

УДК 343.819.1

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.10-26

ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГЕРАНИН,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой уголовного права и процесса,
Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани,
г. Рязань, Российская Федерация, ORCID 0000-0003-0251-2002,
e-mail: gvvrzn@mail.ru;

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА МАЛЬЦЕВА,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса,
Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани,
г. Рязань, Российская Федерация, ORCID 0000-0001-9252-284X,
e-mail: kafedrapd2015@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ И КОЛОНИЙ-ПОСЕЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Для цитирования

Геранин, В. В. Проблемы функционирования исправительных центров и колоний-поселений в системе уголовных наказаний / В. В. Геранин, С. Н. Мальцева // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 10–26. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.10-26.

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что действующая система уголовных наказаний начала функционировать не сразу после вступления в силу Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, а значительно позже – когда реально начали применяться наказания, названные впоследствии альтернативными. При этом один из ее основных элементов – наказание в виде принудительных работ, основное назначение которого – быть связующим звеном между лишением свободы и остальными наказаниями, не смог достичь требуемых стандартов до настоящего времени, и причиной тому явились не столько недостаточные материально-финансовые возможности уголовно-исполнительной системы, сколько неорганичность этой уголовно-правовой меры для системы уголовных наказаний. Принудительными работами предполагалось заменить выполнение функций, которые давно и успешно осуществляли колонии-поселения. Эти учреждения изначально необоснованно были отнесены к исполняющим лишение свободы вследствие ошибки, допущенной при толковании терминов «изоляция» и «изоляция от общества».

© Геранин В. В., Мальцева С. Н., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Изоляция от общества, как сущностный атрибут лишения свободы, свойственна лишь трем видам наказаний: пожизненному лишению свободы, лишению свободы на определенный срок и аресту. Поскольку в колониях-поселениях изоляция от общества отсутствует, значит, они исполняют иное, альтернативное лишению свободы наказание и потому должны быть выведены из-под юрисдикции лишения свободы. Принятие такого решения приведет уже не к формальной, а к нормативно-правовой конкуренции двух идентичных элементов в рамках одной системы наказаний.

Несмотря на все предпринимаемые усилия, принудительные работы за четыре года применения в среднем назначались лишь в 0,2 % случаев от всех назначаемых судами наказаний, что позволяет отнести их к разряду мало-перспективных. Колонии-поселения, напротив, за почти шестидесятилетний период существования зарекомендовали себя как устойчивый и эффективный институт. В связи с этим законодателю разумнее свой выбор остановить именно на колониях-поселениях. Кроме того, это позволит сэкономить (перенаправить) значительные ресурсы, расходуемые сегодня на создание исправительных центров.

В статье сделан ряд предложений по внесению изменений в действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: система уголовных наказаний, принудительные работы, колонии-поселения, изоляция, изоляция от общества, ограничение свободы, исправительный центр.

Система наказаний и ее свойства

Вопросы, касающиеся понятия и признаков системы уголовных наказаний, места их отдельных видов в ней, соотношения и конкуренции между собой, продолжают оставаться актуальными в области уголовного и уголовно-исполнительного права.

Проблемы системы наказаний обозначились сразу после вступления в силу нового (на то время) Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) 1996 г., так как были заложены в него изначально. Не вдаваясь в подробности, поскольку это отмечалось ранее многими исследователями, все же напомним, что из закрепленных ст. 44 УК РФ видов наказаний длительное время не применялись: обязательные работы (в течение 9 лет), ограничение свободы (в течение 14 лет), арест (по настоящее время). Если к этому добавить резкое искусственное сокращение назначения исправительных работ (с 2003 по 2010 год), вызванное непродуманным изменением, внесенным в ст. 50 УК РФ и едва не погубившим этот эффективный вид наказания, а также откладывавшееся в течение 5 лет наказание в виде принудительных работ, внесенное в УК РФ в 2011 г., становится понятным, почему российские суды в этот период назначали в подавляющем большинстве случаев только два наказания – штраф и лишение свободы, а также такую уголовно-правовую меру, как условное осуждение (табл.) (Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>).

Прослеживается закономерность: по мере ввода в действие все новых наказаний прижилась роль условного осуждения, до этого применявшегося несоизмеримо часто.

**Назначение наказаний федеральными судами общей юрисдикции
 и мировыми судами (в процентах от их общего числа)**

Вид наказания	Год			
	2003	2007	2010	2019
Лишение свободы	32,8	33,5	32,1	29,7
Штраф	6,5	13	14,7	12,8
Условное осуждение	55,5	43,9	38	28,4
Иные виды наказаний	5,2	9,6	15,2	29,1

Система наказаний относится к одному из базовых положений уголовно-правовой доктрины, в связи с чем в научной и учебной литературе подробно описаны ее понятие, значение, структура и т. д. В то же время многие криминалисты хотя и отзывались критично о столь значительном разрыве между закрепленными в законе и применяющимися наказаниями, тем не менее продолжали привычно оперировать понятием «система наказаний», не замечая отсутствие в ней ряда институциональных признаков. Представляет интерес позиция В. В. Паляя. Осознавая слабость утверждений о существовании системы наказаний, в которой некоторые элементы значатся лишь виртуально (в действительности не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях), он выделяет две самостоятельные системы наказаний: идеальную, содержащуюся в уголовном законе, и реальную, применяемую на практике [1, с. 196]. На наш взгляд, данное объяснение лишь подтверждает серьезные сомнения автора в существовании реально действующей системы наказаний. В связи с этим важно отметить, что речь идет о системе наказаний, а не о перечне их отдельных видов, пусть и закрепленном в законе, она (система) должна соответствовать ряду качественных признаков, отличающих ее от простой совокупности, набора элементов.

Наиболее существенным признаком системы признается структура, характеризующая ее организованность, устойчивую во времени упорядоченность элементов и связей [2, с. 33]. Если нет связей между отдельными элементами, составляющими систему, нет и оснований говорить о существовании системы.

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что на протяжении длительного времени, а именно до того, пока не начали применяться так называемые альтернативные наказания, говорить о действующей системе наказаний было преждевременно. В самом деле, о какой взаимосвязи, взаимообусловленности, иерархичности построения можно было говорить, если работа всей системы сводилась к использованию лишь двух элементов: самому строгому наказанию (лишение свободы) и самому мягкому (условное осуждение). Между ними лишь виртуально существующие наказания, и они вынужденно замещались судами мерой, воспринимавшейся многими участниками уголовного процесса как «всепрощенчество». Система не выполняла и не могла выполнить задач, которые перед ней были поставлены разработчиками УК РФ и законодателем.

В настоящее время ситуация существенно изменилась. Пусть и с разной интенсивностью, но начали применяться все виды наказаний, предусмотренные ст. 44 УК РФ. Исключение составляют лишь смертная казнь, дискуссии о возобновлении применения которой периодически возникают после очередного резонансного преступления, и арест. До сих пор ни одного арестного дома, который исполнял бы арест, не построено.

Тем не менее, несмотря на недостатки, можно утверждать, что система наказаний сегодня уже не только декларируется, но и действует.

Существенным изъяном, негативно влиявшим на эффективность системы наказаний, было наличие в ней нефункционирующего элемента, играющего важную роль для завершенности системы и ее внутреннего единства.

Традиционно и вполне обоснованно в правовой науке все виды наказаний подразделяются на две группы: связанные с изоляцией от общества (лишение свободы пожизненно, лишение свободы на определенный срок, арест и направление в дисциплинарную воинскую часть) и не связанные с изоляцией от общества (все остальные, или, как их принято называть в последнее время, альтернативные наказания). Обе группы, выступая как подсистемы единой системы наказаний, решают не только общую для всех задачу, но и частные для каждой из них. Границами между ними служит общая для уголовного и уголовно-исполнительного права категория – изоляция личности от общества.

Выстроенная по иерархическому принципу система наказаний предусматривает постепенное нарастание объема правоограничений для наказания, стоящего ступенью ниже, и, хотя из-за внесенных за время действия кодекса изменений последовательность в ряде случаев нарушилась, общая тенденция сохранилась.

Широкий спектр наказаний является одним из основных условий реализации принципа индивидуализации наказания. Несмотря на то что он не назван среди принципов, перечисленных в гл. 1 УК РФ, большинство известных юристов-криминалистов относят его к основополагающим принципам уголовного права, определяющим содержание общих начал назначения наказания [3]. И хотя данный принцип прямо не закреплен в уголовном законодательстве, тем не менее раскрыт в ч. 1 ст. 6 и ч. 3 ст. 60 УК РФ, предписывающих учитывать ряд обстоятельств при назначении наказания.

Индивидуализация наказания, являющаяся межотраслевым принципом для отраслей уголовно-правового цикла, не только требует наличия достаточно широкого спектра мер, которыми должен располагать суд при вынесении обвинительного приговора, но и предполагает отсутствие значительных разрывов между отдельными видами наказаний, находящимися на соседних ступенях этой иерархической лестницы, то есть карательное содержание наказаний в этой условной лестнице должно нарастать последовательно и постепенно.

Объективно существующий разрыв между группой наказаний, связанных с изоляцией от общества, и группой альтернативных наказаний разработчики УК РФ задумывали нейтрализовать, дополнив систему новым наказанием – ограничением свободы. Оно должно было служить своеобразным мостом, соединяющим две группы наказаний, поскольку имело сходные черты их обеих. Необходимость в таком наказании вызывалась тем, что оно, с одной стороны, было достаточно суровым, и это сближало его с первой группой: осужденный обязан постоянно находиться на территории специально созданного учреждения уголовно-исполнительной системы с ограниченным доступом, с другой – не влекло за собой ряда негативных последствий, неизбежно возникающих при изоляции личности от общества, что присуще группе альтернативных наказаний.

Первоначально УК РФ 1996 г. предусматривал наказания с так называемым отложенным сроком ввода в действие – арест и ограничение свободы. Предполагалось, что необходимые условия для их применения будут созданы в ближайшей перспективе. Применительно к аресту, как отмечалось выше, ожидания так и не оправдались. Что касается ограничения свободы, то после долгих лет пребывания «в запасе» выход был найден в радикальном изменении содержания данного наказания. Перевод ограничения

свободы в статус домашнего ареста (как его окрестили некоторые средства массовой информации (СМИ) в связи с внешним сходством с мерой пресечения, предусмотренной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации) наконец-то позволил ему занять соответствующее место в системе наказаний, и по итогам 2019 г. частота его применения составила 3,4 % (Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>).

Однако преобразование ограничения свободы, по существу, в другое наказание одновременно лишило систему элемента, игравшего роль связующего звена между двумя группами наказаний, и разрыв между ступенями лестницы наказаний вновь стал чрезмерным. С целью его ликвидации в декабре 2011 г. УК РФ и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) довольно неожиданно для отечественной криминальной науки пополнился новым видом наказания – принудительными работами.

Принудительные работы как недостающий элемент системы наказаний

Принудительные работы не только восприняли все правоограничения, ранее составлявшие карательное содержание ограничения свободы, но и пополнились двумя дополнительными. Во-первых, является обязательным предварительное назначение лишения свободы с последующей заменой его принудительными работами. Вероятно, используя такой необычный прием при назначении этого наказания, законодатель рассчитывал достигнуть большой эффект психологического воздействия на преступника. Во-вторых, установив обязательные удержания из заработной платы осужденного (подчеркнем – дополнительные к ежемесячным удержаниям на покрытие оказываемых коммунально-бытовых услуг), законодатель показал стремление сделать принудительные работы не только альтернативным лишению свободы, но и самокупаемым наказанием. Отметим, что большинство исследователей считают, что обе новеллы препятствуют росту применения данного наказания.

Постсоветский период развития России, к сожалению, отличается серьезными недостатками: при обновлении законодательства не учитываются реальные возможности государства, не проводятся предварительные многоаспектные расчеты последствий, апробация нововведений, поэтому арест, обязательные работы, ограничение свободы и принудительные работы вводились в систему наказаний, основываясь лишь на теоретической аргументации их целесообразности. Напомним, что по такой же схеме, но с более негативными последствиями развивалась и утопическая реформа перехода России к тюремной системе исполнения лишения свободы, требовавшая на свою реализацию свыше 50 трлн рублей. В результате ни одной тюрьмы так и не было построено, но из состава сотрудников уголовно-исполнительной системы, не согласных с методами проведения реформы, за короткий период было «уволено свыше 25 тыс. профессионалов, прежде всего из руководящего звена, а оставшиеся дезориентированы недостижимыми целями» [6]. Замена места, которое отводилось ограничению свободы в системе наказаний, принудительными работами продолжила ставшую, к сожалению, привычной тенденцию сначала легитимировать новое наказание, а затем уже изыскивать возможности его использования.

Введенные в УК РФ и УИК РФ в 2011 г. принудительные работы трижды откладывались и начали применяться только с 1 января 2017 г. Подчеркнем, что и к тому моменту ни одного исправительного центра (ИЦ), из-за отсутствия которых отсрочивалось использование наказания, не было построено. Тем не менее, несмотря на очевидную материальную и финансовую необеспеченность, наказание не стали откладывать в очередной раз и было принято решение начать применять его при таких условиях.

В сложное положение была поставлена не только уголовно-исполнительная система, вынужденная часто приспособлять под исправительные центры помещения, не вполне отвечающие установленным в законе требованиям, но и суды, которые при назначении нового наказания должны были учитывать как тяжесть деяния, личность преступника, форму вины, так и наличие свободных мест в этих центрах. Следует отметить, что принудительные работы встраиваются в систему наказаний с большой настойчивостью. Как нам представляется, это можно объяснить стремлением законодателя сделать их основной альтернативой лишению свободы. Причин тому несколько.

Во-первых, это единственное наказание, которое закон прямо называет альтернативой лишению свободы (ч. 1 ст. 53.1 УК РФ).

Во-вторых, обладая достаточно высоким уровнем правоограничений (отрыв от микросреды, обусловленный обязанностью постоянного пребывания в исправительном центре, изоляция (не путать с изоляцией от общества), связанная с запретом свободного выхода за пределы исправительного центра, и др.), принудительные работы максимально приближены к лишению свободы, но не считаются таковым. Этот факт приобретает особую важность, если вспомнить недавнюю дискуссию в СМИ и научных изданиях о существующих коллизиях между Конституцией РФ и решениями Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Поводом для ее возникновения стало постановление ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», в котором России предлагалось отменить ограничения на право осужденных к лишению свободы избирать и быть избранными (Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2). Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев в 2016 г. по запросу Минюста России решение ЕСПЧ, признал исполнение постановления невозможным. Вместе с тем была выражена позиция (по существу – рекомендация федеральному законодателю) «оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав» (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации»). Спустя 8 месяцев новое наказание начало применяться. А в сентябре 2019 г. Комитет министров Совета Европы согласился с тем, что Россия выполнила решение ОБСЕ, постановив завершить продолжавшееся 7 лет наблюдение за исполнением дела (URL : http://rapsinews.ru/international_news/20190926/304196020.html).

В-третьих, по сравнению с лишенными свободы у осужденных к принудительным работам значительно разнообразнее возможности трудоустройства, они гораздо мобильнее, что делает это наказание весьма перспективным с точки зрения его самокупаемости. Кроме того, как отмечалось, осужденные обязаны возмещать расходы на свое содержание, а также из их заработка по решению суда производятся удержания в размере от 5 до 20 %. В последнем случае не совсем ясна преследуемая цель. Если это дополнительный карательный элемент, то он представляется избыточным, поскольку отсутствует даже у отбывающих лишение свободы. Если же это стремление законодателя получить еще один источник дохода, то он выступает скорее препятствием для «190 тысяч осужденных, имеющих формальные основания для подачи ходатайства о замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными рабо-

тами» (Интервью главы управления ФСИН России Е. Коробковой агентству INTERFAX от 5 августа 2019 г. URL : <https://www.interfax.ru/interview/720461>), на которых ведомство рассчитывает для расширения сети исправительных центров. Здесь прослеживается прямая аналогия с наказанием в виде обязательных работ, которое в течение 9 лет не применялось во многом из-за «усовершенствования». Была предпринята попытка неоплачиваемый труд осужденных сделать для работодателей оплачиваемым, но оплата направлялась не осужденным, а в соответствующие бюджеты. Впоследствии от этого пришлось отказаться.

Тем не менее при наличии условий, прежде всего достаточного количества обустроенных в соответствии с режимными требованиями исправительных центров и обеспеченности осужденных необходимым объемом работ, принудительные работы могли бы стать одним из самых эффективных наказаний.

Для того чтобы принудительные работы как можно быстрее начали составлять реальную конкуренцию иным видам наказания, в первую очередь лишению свободы, в законодательство было внесено множество изменений и дополнений, причем все они целенаправленно вносились для расширения применения этого наказания. Так, согласно изменениям, внесенным Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 540-ФЗ в ст. 53.1 и 80 УК РФ, был создан механизм, в соответствии с которым у осужденного появляется возможность замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами и только после этого – возможность освободиться условно-досрочно.

Учитывая, что создание исправительных центров в каждом субъекте РФ – задача не ближайшей перспективы, в ч. 3 ст. 60.1 УИК РФ была предусмотрительно заложена возможность содержать осужденных в изолированных участках, функционирующих как исправительные центры (УФИЦ), создаваемых при исправительных учреждениях. Такое решение сложно отнести к разряду оптимальных, но и его принятие оказалось недостаточным для заметного увеличения доли лиц, отбывающих принудительные работы. В связи с этим Федеральным законом от 18 июля 2019 г. № 179-ФЗ было разрешено создавать УФИЦ на базе имущества, предоставляемого в безвозмездное пользование организациями, использующими труд этих осужденных, расположенными вне исправительных центров, но в пределах субъектов Российской Федерации, на территориях которых они находятся.

В апреле 2020 г. Федеральным законом № 96-ФЗ в ч. 2 ст. 60.1 УИК РФ были внесены изменения, согласно которым у правоприменителя появилась возможность обходить общее правило, установленное ч. 1 ст. 60.1 УИК РФ (осужденные отбывают наказание в ИЦ, расположенных в пределах территории субъекта РФ, в котором они ранее проживали или были осуждены). Теперь при отсутствии ИЦ по месту жительства осужденного его могут направить в ИЦ, расположенный в ближайшем субъекте РФ.

Создание УФИЦ, а также упреждающая условно-досрочное освобождение возможность замены лишения свободы принудительными работами позволила существенно увеличить число лиц, отбывающих данное наказание. Если в 2017 г. в ИЦ по учетам проходило 587 чел., то в 2019 г. – уже 8,6 тыс. осужденных (Интервью главы управления ФСИН России Е. Коробковой агентству INTERFAX от 5 августа 2019 г. URL : <https://www.interfax.ru/interview/720461>). По состоянию на 1 декабря 2020 г. в УИС функционирует 21 ИЦ и 84 УФИЦ, в которых состоят на учете 5873 осужденных к принудительным работам (Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL : <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS>), то есть за последние три года число лиц, отбывающих принудительные работы, возросло в 10 раз.

По словам начальника управления организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, ФСИН России Е. Коробковой, в настоящее время доля наказаний, альтернативных лишению свободы, превысила 70 % (Интервью главы управления ФСИН России Е. Коробковой агентству INTERFAX от 5 августа 2019 г. URL : <https://www.interfax.ru/interview/720461>). Отметим также, что тенденция снижения применения лишения свободы сохраняется, как минимум, последние 10 лет. Какова же роль в этом безусловно позитивном процессе принудительных работ?

Несмотря на все усилия, реалии таковы, что принудительные работы не только не стали сколько-нибудь приемлемой альтернативой лишению свободы, но и не смогли занять достойное место среди других альтернативных наказаний. Интенсивность их назначения судами хотя и неторопливо прирастает, но пока не может выйти даже за пределы статистической погрешности: в 2017 г. принудительные работы были назначены в 0,08 % случаев от всех наказаний; 2018 – 0,17; 2019 – 0,2; за 6 мес. 2020 г. – менее 0,2 % (Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017, 2018, 2019 годы и 6 мес. 2019 года. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>).

Цифры совсем не обнадеживающие для первого официально названного альтернативным лишению свободы наказания и вряд ли позволяют рассчитывать на его экспоненциальный рост в перспективе.

Альтернатива альтернативному наказанию

В 1963 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР, в качестве эксперимента был образован новый вид исправительных учреждений – исправительно-трудовые колонии-поселения, продолжившие использовать опыт деятельности существовавших еще с 1920-х годов переходных исправительно-трудовых домов. Эти учреждения создавались с целью постепенной адаптации осужденных, отбывавших длительные сроки лишения свободы, к жизни в обществе. Они встраивались в отечественную систему наказаний в качестве элемента используемой западными странами прогрессивной системы исполнения наказаний, именуемого в ней открытыми тюрьмами. Специфическая цель – приучение к жизни в обществе – обуславливала необходимость отмены абсолютно необходимых для лишения свободы ограничений: заповор, решеток, вооруженной охраны, комплекса ограждений с противопобеговыми системами и т. д. И главное, она требовала отсутствия сущностного для лишения свободы атрибута – изоляции личности от общества.

Одним из первых на эту важную особенность колоний-поселений обратил внимание профессор А. Е. Наташев, подчеркнув, что при переводе в колонию-поселение происходит не продолжение исполнения лишения свободы, а его замена более мягким наказанием – ссылкой со специальным режимом [8, с. 64].

Позиция относительно того, что в колониях-поселениях исполняется самостоятельный вид наказания, отличающийся от лишения свободы, впоследствии была поддержана большинством известных ученых (А. И. Зубков, И. И. Карпец, А. С. Михлин, В. И. Селиверстов, Н. А. Стручков, Ю. М. Ткачевский, И. В. Шмаров и др.). В то же время существует противоположная точка зрения, согласно которой колонии-поселения исполняют, как это и предусмотрено законом, лишение свободы (В. Е. Южанин). Разграничивает эти полярные точки зрения такой феномен, как изоляция. Обычно им оперируют при раскрытии сущности и содержания лишения свободы, объяснении различий между видами исправительных учреждений.

Действующее законодательство не содержит легального определения понятия «изоляция от общества». Предполагается общеизвестность и однозначность понимания данного термина. В действительности это не совсем так, а точнее, совсем не так.

Некоторыми исследователями изоляции неоправданно придается значение всеохватывающего понятия, обуславливающего любые свойства наказания в виде лишения свободы [9, с. 67]. Сходной позиции придерживаются и те авторы, которые дифференцируют виды исправительных учреждений не по видам режима, а по степени изоляции [10, с. 101]. Большинство же выделяет уровни или степени изоляции. Так, Р. С. Маковик и Н. Р. Бессараб предлагают подразделять ее на квазиизоляцию, предызоляцию, стандартную изоляцию, суперизоляцию и постизоляцию [11, 12]. Другие авторы отмечают частичную, нетипичную, облегченную, мягкую, жесткую изоляцию. Вполне уместно в данном случае воспользоваться методологическим принципом, известным в философии как «бритва Оккама»: не стоит множить сущности без необходимости, если есть простое объяснение.

Придание изоляции значения, которого она не заслуживает, делает это понятие настолько емким, что оно охватывает (а по существу – поглощает) все элементы, составляющие карательное содержание наказания. В соответствии с таким подходом содержание наказания определяется уже не уровнем (объемом) правоограничений, а изоляцией, являющейся в действительности не более чем одним из свойств наказания, хоть и важным, то есть происходит не что иное, как «фетишизация» этого явления.

Важно понимать, что изоляция от общества – это признак, а не содержание лишения свободы. Содержание же наказания составляют правоограничения, выражающие его карательную сторону и определяющие правовой статус отбывающих это наказание осужденных.

Подчеркнем, что изоляция – это одновременно и результат действия правоограничений, и сущностный атрибут наказания в виде лишения свободы, утратив который оно превращается в иное, скорее всего, альтернативное ему наказание. В действительности все то, что стоит за понятием «изоляция», не более чем недоступность свободного (то есть в любой момент по желанию индивида) взаимодействия с социумом. Собственно, на это и указывает законодатель в ст. 56 УК РФ, выделяя изоляцию от общества в качестве отличительного признака лишения свободы. Ключевое значение здесь имеет слово «от общества», а не изоляция, и если этого не замечать, то и возникают вариации на тему «уровни» или «степени» изоляции лишения свободы.

«Изоляция» и «изоляция от общества» – это не однопорядковые, не идентичные понятия, хотя первое в общепотребительном значении нередко используется как синоним второго. Изоляция от общества, отличающая исправительные учреждения от других учреждений и органов, исполняющих наказания, присуща только им. В том случае, если для лица недоступны привычный образ жизни, свободное общение с семьей, друзьями, но оно не лишено общения с социумом, следует признать, что данное лицо действительно находится в условиях изоляции, но не от общества. Такая изоляция свойственна наказаниям, исполняемым исправительными центрами или колониями-поселениями. В силу этого трудно согласиться с А. И. Дроздовым и А. В. Орловым, полагающими, что принудительные работы основаны на частичной изоляции от общества [13, с. 42]. В противном случае мы будем вынуждены признать, что это не альтернативное лишению свободы наказание, а лишь его «мягкий» вариант. В этом и заключается смысл создания так называемых открытых или переходных тюрем, а также сходных с ними по уровню правоограничений пенитенциарных заведений – либо восстановить утраченные

за время пребывания в местах лишения свободы социально необходимые навыки, либо не потерять их, если изоляция от общества во время отбывания наказания отсутствовала изначально. В конце концов целями изоляции, как и наказания, является не кара, не причинение страданий, а общая и частная превенция, причем для изоляции частная превенция обладает ощутимым приоритетом.

Особенно активно категория «изоляция» используется при обсуждении природы наказания, исполняемого в колониях-поселениях. Сторонники относить колонии-поселения к местам лишения свободы вынуждены прибегать к градации изоляции на степени, уровни. Так, профессор В. Е. Южанин считает, что изоляция имеет степени, которые смягчаются одновременно со смягчением условий отбывания наказания, и, справедливо указывая на то, что «изоляция личности в исправительном учреждении является самостоятельным элементом лишения свободы и не включает в себя все содержание этого вида наказания», противоречит себе и говорит об ограничениях, свойственных изоляции осужденных в колониях-поселениях. Другими словами, он вновь повторяет тезис о том, что изоляция порождает правоограничения, а не наоборот. В заключение он делает вывод о том, что «исправительная колония-поселение – это особая специальная мера наказания в виде лишения свободы, для которой характерен полусвободный режим и нетипичная (облегченная) изоляция осужденных от общества» [14, с. 22–24]. На убежденность автора в своей правоте указывает также то, что он вопреки законодательству называет колонии-поселения исправительными.

Непоследовательность в выводах отмечается и в высказываниях других авторов. Так, Е. А. Каданева, обоснованно соглашаясь с тем, что «наказание, исполняемое в колониях-поселениях, нельзя называть лишением свободы», вместе с тем характеризует его как «частично сопряженное с лишением свободы, поскольку оно имеет лишь некоторые элементы изоляции от общества» [15, с. 133], то есть допускается та же ошибка совмещения двух нетождественных понятий «изоляция» и «изоляция от общества». И. В. Упоров, также считая недопустимым относить колонию-поселение к местам лишения свободы, все же предлагает сохранить статус-кво, объясняя это тем, что государство пока не в состоянии эффективно использовать даже те наказания, которые уже перечислены в ст. 44 УК РФ [16, с. 264–266].

Помимо отсутствия изоляции от общества (хотя и одного этого уже достаточно), у колоний-поселений столько отличий от исправительных учреждений, что не может не вызывать недоумения: почему вот уже на протяжении более полувека они считаются исполняющими лишение свободы? Перечислим лишь некоторые из них: в колониях-поселениях нет охраны, решеток, осужденные носят обычную одежду, пользуются личными деньгами, могут передвигаться в пределах муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы либо в связи с обучением, наконец – проживать со своими семьями в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение. Именно эти особенности были перечислены в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П, рекомендовавшем федеральному законодателю трансформировать отбывание наказания в колониях-поселениях лицами, осужденными к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицами, осужденными к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшими лишение свободы, в самостоятельный вид наказания. Хотя законодатель в данном конкретном случае посчитал более уместным

начать применение наказания в виде принудительных работ, это не снижает не только ценности для теории права, но и практической значимости позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно природы наказания, исполняемого в колониях-поселениях.

В настоящее время в системе уголовных наказаний сложилась ситуация, которую можно охарактеризовать как «двоевластие» по аналогии с периодом в истории России, когда в стране в 1917 г. непродолжительное время сосуществовали две параллельные системы власти и управления.

В исправительных центрах и колониях-поселениях содержатся лица, осужденные за совершение одних и тех же преступлений, обладающие равными уровнями общественной опасности и социальной запущенности, содержащиеся в одинаковых условиях и т. п. Все настолько идентично, что неспециалисту отличий не уловить. Совпадая практически по всем существенным параметрам, оба наказания – в виде принудительных работ и исполняемое колониями-поселениями – являются очевидными конкурентами. Особенно это проявляется на стадии назначения наказания, когда суд фактически лишен каких-либо значимых законодательных ориентиров при избрании принудительных работ или направления в колонию-поселение.

Как уже отмечалось, важнейшим признаком системы является структура. В системе наказаний эта структура выражена, прежде всего, посредством расположенных в определенном порядке видов наказаний и связей между ними. Наказания взаимодействуют друг с другом не только при избрании судом той или иной уголовно-правовой меры, но и в процессе ее исполнения (отбывания) при замене одной на другую. Тем самым реализуется одна из целей существования системы наказаний: осужденный своим поведением определяет движение по лестнице наказаний вверх или вниз.

Колонии-поселения и исправительные центры безосновательно, как мы полагаем, отнесены к разным классификационным группам системы наказаний: к исполняющим наказания, связанные с изоляцией от общества и не связанные с таковой (альтернативные). Такая необоснованность проявляется в следующем.

Согласно ч. 6 ст. 53.1 УК РФ осужденному, уклоняющемуся от отбывания принудительных работ либо признанному злостным нарушителем отбывания наказания, неотбытая часть может быть заменена лишением свободы, то есть гипотетически принудительные работы могут быть заменены содержанием в колонии-поселении, и, хотя в законодательстве препятствия для такого перевода отсутствуют, в реальности его сложно представить, поскольку всем участникам правоотношений понятна его бессмысленность. По аналогичной причине не производится замена неотбытой части лишения свободы, исполняемого в колонии-поселении, более мягким наказанием в виде принудительных работ. Эти два наказания (если исходить из того, что колонии-поселения исполняют самостоятельный вид наказания), являясь элементами системы, не только не взаимодействуют между собой, но и выступают очевидными конкурентами, выполняющими дублирующие функции, исключаящие потребность существования друг друга. Тем самым значительно снижается эффективность деятельности системы. Главным недостатком, на наш взгляд, является то, что государство (а конкретно – бюджет ФСИН России) вынуждено финансировать содержание обоих конкурентов, не получая никаких преимуществ. Напротив, распыление средств приводит к обратному результату – тормозится улучшение материально-бытового обеспечения осужденных и финансово-экономическое развитие учреждений, исполняющих эти наказания.

В истории развития системы уголовных наказаний России не было прецедента, когда два ее элемента с идентичными целями, социальным назначением и правовым статусом осужденных применялись бы одновременно, создавая помехи друг другу.

Оценивая необычность ситуации и справедливо полагая, что один из элементов лишений, ряд исследователей отдадут предпочтение принудительным работам и предлагают упразднить колонии-поселения, создавая на их базе исправительные центры [15, 17–19]. Единственной причиной такого выбора называется альтернативность принудительных работ лишению свободы, позволяющая в результате сократить его применение.

Следует признать, что сокращение лишения свободы как способа реагирования общества на противоправное поведение его членов является наиболее заметной и успешно осуществляемой тенденцией карательной политики нашего государства последнего десятилетия. Дополнительным бонусом увеличения доли альтернативных наказаний (и в первую очередь связанных с обязательным привлечением осужденных к труду) является постепенный переход к самокупаемости уголовно-исполнительной системы, воспринимаемый как возрождение пока еще латентной цели наказания [20, с. 167].

Существует и противоположная позиция, согласно которой упразднению подлежат исправительные центры, а принудительные работы должны исполняться колониями-поселениями, выведенными из-под юрисдикции лишения свободы [21, с. 86].

На наш взгляд, заслуживает поддержки вторая точка зрения, представляющаяся более рациональной. Опуская признаки, отражающие сходство обоих наказаний, подробно рассмотренные сторонниками как той, так и другой позиции, остановимся на их немногочисленных отличиях. По существу, их только два. Первое и главное, заключающееся в том, что колонии-поселения исполняют лишение свободы, тогда как принудительные работы являются его альтернативой, мы анализировали выше и пришли к выводу о том, что колонии-поселения также исполняют альтернативное лишению свободы наказание. Исходя из этого считаем, что при дальнейшем сокращении применения лишения свободы уместнее прекратить расходование материальных и финансовых средств на затратный проект, каким является строительство исправительных центров, тем более что строительства, как такового, не ведется. В действительности, как отмечает сотрудник центра информационного обеспечения ФКУ НИИИТ ФСИН России С. А. Саутина, «в территориальных органах УИС изыскиваются возможности использования под исправительные центры существующих помещений и зданий, капитальный ремонт которых осуществляется за счет выделенных бюджетных ассигнований» [22, с. 40].

Если кадровое обеспечение создаваемых исправительных центров не вызывает особых проблем за счет освобождаемых должностей ликвидируемых исправительных учреждений, то отсутствие целевого финансирования на их строительство вынуждает ФСИН России приспособлять имеющиеся помещения и, что хуже, создавать изолированные УФИЦ. Такие участки, формируемые при действующих исправительных учреждениях, значительно удешевляют не только их создание, но и эксплуатацию, поскольку вся инфраструктура уже имеется. Сегодня число УФИЦ в четыре раза превышает количество исправительных центров, и это соотношение будет только увеличиваться.

Однако у найденного, казалось, выхода есть и обратная сторона. Создание УФИЦ влечет за собой опасность утраты принудительными работами своего назначения в системе наказаний. Как резонно замечает В. А. Каримов, в результате возникает еще один вариант колоний-поселений, а затраты на создание ИЦ и УФИЦ не окупятся и не дадут ожидаемого эффекта [23, с. 25]. В особенности данный прогноз близок к реальности в случаях, когда УФИЦ создаются в колониях-поселениях. С точки зрения здравого смыс-

ла такая ситуация вопросов не вызывает: ничего не требуется изменять, достраивать, разграничивать, но с позиции правовой логики ее комментировать сложно.

Размещение исправительных центров на территориях исправительных учреждений не может не сказываться на отношении как самих осужденных, так и персонала к сущности и содержанию исполняемого (отбываемого) наказания. Совместное использование коммунально-бытовых, культурно-бытовых, медицинских помещений ставит под сомнение возможность обеспечить раздельное содержание осужденных, отбывающих разные виды наказаний. Постепенно размываются различия в предъявляемых к осужденным режимных требованиях и стирается грань между ограничением и лишением свободы в пользу последнего. Например, окна помещений УФИЦ, размещенного при ФКУ ИК-3 УФСИН России по Ивановской области, оборудованы декоративными металлическими решетками (Официальный сайт УФСИН России по Ивановской области. URL : <https://37.fsin.gov.ru/uchrejdениya/ufits.php>). Даже в колониях-поселениях такая атрибутика недопустима, хотя они и считаются исполняющими лишение свободы.

Второе отличие принудительных работ заключается в том, что из заработной платы осужденных производятся удержания в доход государства в пределах от пяти до двадцати процентов. Потенциально данное карательное ограничение должно приблизить принудительные работы по своей эффективности к исправительным работам. Предполагалось, что таким образом наказание не только станет самокупаемым, но и будет приносить доход. Однако и у этого решения оказались свои подводные камни, нарушившие первоначальный замысел. Во-первых, дополнительные удержания из заработка ухудшают правовой статус осужденных к принудительным работам как в сравнении с содержащимися в колониях-поселениях, так и с отбывающими реальное лишение свободы, поэтому принудительные работы проигрывают колониям-поселениям изначально. Во-вторых, если вследствие удержаний и предполагались скольконибудь значимые поступления на счета территориальных органов ФСИН России, то опыт четырех лет применения принудительных работ этих надежд не оправдал, и прежде всего в связи с невысоким уровнем заработной платы осужденных. Так, их среднемесячная заработная плата в первом полугодии 2019 г. составила 12,4 тыс. рублей [22, с. 42]. Напомним, что из заработка осужденных производятся три вида обязательных удержаний: на доход физических лиц (НДФЛ) в размере 13 %; в доход государства – от 5 до 20 %; на возмещение расходов по их содержанию (в соответствии с ч. 2 ст. 60.10 УИК РФ – после удовлетворения всех требований взыскателей в порядке, установленном Федеральным законом «Об исполнительном производстве»). Помимо этого, из заработной платы осужденных могут производиться удержания, установленные в соответствии с разделом V Семейного кодекса Российской Федерации (Алиментные обязательства членов семьи) от 25 до 50 %, а также по решению суда на возмещение причиненного ущерба согласно Федеральному закону «Об исполнительном производстве». Кроме того, осужденные питаются, приобретают одежду, обувь за счет заработанных ими средств.

Примерные расчеты показывают, что сумма, остающаяся даже только после обязательных удержаний, намного ниже установленного в стране прожиточного минимума. Для того чтобы у осужденных оставались средства, что называется «на прожитие», в ч. 3 ст. 60.10 УИК РФ установлена норма, согласно которой осужденным к принудительным работам независимо от всех удержаний должно выплачиваться не менее 25 % от начисленной им заработной платы. Если ориентироваться на приведенную выше среднемесячную заработную плату, должно оставаться немногим выше 3 тыс. рублей.

Предвидя, что подобные ситуации будут неединичны, разработчики правового регулирования наказания в виде принудительных работ предусмотрели норму, позволяющую осужденным, не имеющим собственных средств, обеспечиваться одеждой, обувью и питанием за счет средств федерального бюджета и не возмещать расходы исправительных центров на оплату коммунально-бытовых услуг и содержание имущества (ст. 60.5 УИК РФ). Для этого Правительством Российской Федерации принято соответствующее постановление, утвердившее нормы обеспечения таких осужденных за счет средств федерального бюджета (постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2012 г. № 514 «Об утверждении норм обеспечения одеждой, обувью и питанием осужденных к принудительным работам при отсутствии у них собственных средств»).

Рассчитывать на какой-либо значительный и массовый рост заработной платы осужденных в ближайшие годы, по всей видимости, не стоит. По словам заместителя директора ФСИН России В. П. Балана, осужденные к принудительным работам в основном привлекаются на работы, не требующие специальных профессиональных навыков и, следовательно, с невысокой оплатой труда – грузчики, уборщики, подсобные рабочие и т. д. (Интервью заместителя директора ФСИН России В. Балана от 6 августа 2019 г. URL : <https://tass.ru/ekonomika/6736711>).

Отметим также дискриминационный характер данной нормы, поскольку в отношении осужденных, отбывающих наиболее схожие с принудительными работами наказания (исправительные работы и содержание в колониях-поселениях), удержания из заработной платы, согласно ч. 3 ст. 129 УИК РФ, ч. 3 ст. 138 Трудового кодекса Российской Федерации и ч. 3 ст. 99 Федерального закона «Об исполнительном производстве», не превышают 70 %.

Выводы

За четыре года применения принудительные работы не стали реальной альтернативой лишению свободы, несмотря на все усилия. На сегодняшний день сложившаяся в системе наказаний ситуация выглядит как иллюстрация к известной поговорке «Пятое колесо в телеге». Следует признать, что в этот раз хозяин этой телеги поступает мудро и не торопится заменять старое и надежное колесо (колонии-поселения) новым, помня свой неудачный опыт поспешного решения отмены применения наказания в виде исправительных работ по основному месту работы, поэтому, несмотря на очевидную приязнь к пятому, возница спокойно наблюдает за тем, как движутся все колеса телеги, не забывая ухаживать за каждым и стараясь обеспечивать равные конкурентные условия.

Так, Федеральным законом от 18 июля 2019 г. № 179-ФЗ в ст. 128 УИК РФ была введена ч. 3.1, позволившая создавать участки колоний-поселений на базе предоставляемого в безвозмездное пользование имущества организаций, использующих труд осужденных. Напомним, что этим же Законом были внесены аналогичные изменения в регулирование принудительных работ. Кроме того, Федеральным законом от 23 ноября 2020 г. № 380-ФЗ ч. 2 ст. 129 УИК РФ изложена в новой редакции, допускающей совместное содержание всех категорий осужденных в одной колонии-поселении при условии обеспечения их отдельного проживания и трудоустройства. Употребление термина «раздельное проживание», разумеется, несинонимично закрепленному ст. 80 УИК РФ понятию «раздельное содержание», а лишь отражает компромисс между потребностью увеличения числа осужденных в колониях-поселениях и сдерживающей этот процесс необходимостью раздельного содержания разных категорий осужденных. Содержание двух видов колоний-поселений требует от уголовно-исполнительной системы дополнительных материально-финансовых расходов. Заметим, что в исправительных цен-

трах требование отдельного содержания не закладывалось изначально, хотя в них совместно содержатся как отбывавшие, так и не отбывавшие лишения свободы осужденные. «В итоге в исправительные центры в связи с заменой неотбытой части лишения свободы принудительными работами поступает большое количество осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления с длительными сроками наказания. Например, в одном из случаев осужденному по ч. 1 ст. 131 и ч. 2 ст. 105 УК РФ неотбытая часть лишения свободы была заменена на 8 лет 9 месяцев 27 дней принудительных работ (Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2018 г. URL : <https://minjust.ru/ru/pravovaya-informaciya/doklad-o-rezultatahmonitoringa-pravoprimeneniya-v-rossiyskoy-federacii-za-0>).

Противостояние двух идентичных видов наказания не может длиться бесконечно в том числе и потому, что, выполняя одну и ту же социальную функцию, они рассчитаны на одинаковый контингент осужденных, которого недостаточно для полноценного развития обоих видов.

Исходя из проведенного анализа, мы полагаем, что законодатель должен остановить выбор на колониях-поселениях. Самое сложное в таком решении – это признание ошибочности попытки встроить (хотя больше подходит слово «затолкать») еще один элемент в работающий без особых сбоев и структурно заверченный механизм системы наказаний. По общему правилу, прежде чем внедрять новый вид наказания или радикально реструктуризировать систему наказаний, необходимо предварительно проводить эксперимент, по результатам которого принимать решение. Так, эксперимент предшествовал началу создания колоний-поселений и применению обязательных работ. При встраивании в систему наказаний принудительных работ, как и в недавней провальной попытке «тюрьмизации» всей страны, обошлись без эксперимента.

Главное преимущество избрания именно колоний-поселений в качестве альтернативы лишению свободы состоит в том, что это позволит сэкономить примерно 25 млрд рублей, требуемых для строительства планируемых 350 исправительных центров. Скорее всего, данная сумма значительно вырастет с учетом увеличения в последнее время стоимости строительства. Думается, что аргумент «не потребует дополнительного финансирования» был бы решающим при одобрении законопроекта о создании нового наказания Минфином России.

Принятие такого решения потребует внесения ряда изменений в законодательство. Первым и важнейшим из них является вывод колоний-поселений из-под юрисдикции лишения свободы и создание на их базе самостоятельного наказания. Остальные изменения определяются принятием первого и являются скорее «техническими». Так, необходимо определиться с названием нового наказания. На наш взгляд, ему следует вернуть первоначальное и более всего соответствующее его правовой природе – «Ограничение свободы». От названия «принудительные работы», неудачного, по мнению большинства авторов, разумнее отказаться.

Наказание, именуемое в настоящее время ограничением свободы, правильнее называть «работы в общественных интересах» – как оно закреплено в УК Франции и откуда было нами заимствовано. Очевидно, что оригинальный вариант намного точнее передает содержание наказания.

При избрании названия учреждений, в которых будет исполняться ограничение свободы – колонии-поселения или исправительный центр, следует, на наш взгляд, остановиться на последнем. Поскольку новое наказание позиционируется как альтернативное,

уместнее отказаться от употребления в его названии термина «колония», однозначно ассоциирующегося в нашей стране с лишением свободы.

Создание условно нового наказания повлечет за собой слияние правовых статусов осужденных, в настоящее время содержащихся в исправительных центрах и колониях-поселениях. Несмотря на то что они почти идентичны, некоторые различия все же имеются. В силу этого при их объединении важно руководствоваться правилом, запрещающим законодателю придавать обратную силу новому регулированию в случае, если оно ухудшает правовое положение личности или ограничивает уже установленные ее субъективные права (ч. 1 ст. 54 Конституции РФ).

Как это ни удивительно, смягчать нужно будет (и мы выше об этом говорили) статус осужденных к принудительным работам. При объединении статусов придется полностью отказаться от удержаний из заработной платы осужденных в пользу государства как ограничения, ухудшающего правовое положение осужденных, содержащихся в колониях-поселениях.

Более того, мы полагаем, что отказаться от данного ограничения нужно уже сегодня, не дожидаясь объединения наказаний. Устранение избыточного правоограничения позволит активизировать институт замены наказания более мягким применительно к замене лишения свободы принудительными работами, сделав их более привлекательными для осужденных. Такое решение, с одной стороны, фактически не скажется на бюджете территориальных органов ФСИН России ввиду своей символической для них значимости, с другой – повысит возможность осужденных погашать иски и выплачивать алименты отдельным лицам (для которых полученные суммы будут иметь несомненную ценность) либо улучшать свое материально-бытовое положение.

Библиографический список

1. Палий В. В. Система и виды наказаний // Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / под ред. А. И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ ; ИНФРА-М, 2015. 704 с.
2. Волкова В. Н., Денисов А. А. Теория систем и системный анализ : учеб. для академического бакалавриата. 2-е изд. М. : Юрайт, 2014. 616 с.
3. Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961. 152 с.
4. Ткаченко В. Общие начала назначения наказания // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 10–11.
5. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. А. И. Рарога. М. : Проспект, 2011. 496 с.
6. Курс уголовного права: Общая часть : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 2011. Т. 2. 464 с.
7. Селиверстов В. Тюремь не должны быть основным видом наказания // Независимая газета. 2012. 2 окт. URL : http://nvo.ng.ru/ng_politics/2012-10-02/9_seliverstov.html (дата обращения: 15.11.2020).
8. Наташев А. Е. О каре и воспитании // К новой жизни. 1964. № 3.
9. Маликов Б. З. Лишение свободы в России (теоретико-правовые проблемы сущности и целей наказания). Саратов : Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2001. 192 с.
10. Ким В. В. Проблемы двойственного характера правового выражения изоляции осужденных к лишению свободы // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 100–104.

11. Маковик Р. С. Стадийность изоляции личности : монография. Рязань : Академия ФСИН России, 2009. 156 с.

12. Бессараб Н. Р. Изоляция личности как правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : НИИ ФСИН России, 2005. 26 с.

13. Дроздов А. И., Орлов А. В. Принудительные работы и лишение свободы в колониях-поселениях: сравнительно-правовой анализ // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1(19). С. 40–44.

14. Южанин В. Е. Исправительная колония-поселение – разновидность лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2018. № 1(41). С. 19–25.

15. Каданева Е. А. Конкуренция уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 131–135.

16. Упоров И. В. Колонии-поселения как вид пенитенциарного учреждения // Дискурс. 2019. № 2(28). С. 261–268.

17. Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2018. 240 с.

18. Зубова А. О., Симагин А. О. Проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ в Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 1(37). С. 44–50.

19. Докукина Д. Д. Финансовые проблемы назначения и реализации принудительных работ как нового вида уголовного наказания // Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2015. С. 78–79.

20. Геранин В. В., Мальцева С. Н. Цели наказания: легитимные и латентные // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28(1–4), № 2. С. 166–177.

21. Парфиненко И. П., Антоненко А. С. Колонии-поселения как альтернатива принудительных работ // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2014. С. 85–87.

22. Саутина С. А. Исправительные центры в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 2(213). С. 37–42.

23. Каримов В. А. Актуальные вопросы исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Право и политика. 2019. № 4. С. 20–27.